

Виктория КОРИТНЯНСКАЯ

Мой путь в "Лампу"

Несмотря на название, рассказ не о джинне. Речь пойдет обо мне.

Ничто в нашей жизни не случайно. И я твердо уверена, что свой первый шаг на пути к "Зеленой лампе" я сделала еще в 2014 году, когда под напором страшных и грустных обстоятельств приняла решение не заниматься больше наукой.

Потом было много всего, интересного и не очень, но тот первый шаг, видимо, настойчиво требовал второго. И вот. Я сделала его 6 августа 2016 года на творческом вечере О.И. Губаря в Золотом зале Одесского литературного музея.

Казалось бы, маленький, совершенно ничего не обещавший шаг. Тихий и немного робкий. Он остался почти незамеченным, оставив на память всего лишь несколько абзацев:

"Мне не нравятся бороды, но эта, как ни странно, нравится... Опрятная и скромная, она чрезвычайно идет своему владельцу. Ни разу не присев, всю встречу он читает и рассказывает "за Одессу", и руки его в такт словам целомудренно рубят воздух в большом Золотом зале.

Ё-ма-сэ, дом Русова. Ё-ма-сэ, мasonicский дом. Ё-ма-сэ, каждый раз, когда разговор об утраченном, разоренном, разграбленном...

К концу он покорила меня совершенно. С очаровательной улыбкой он читает послед-

нее четверостишие, галантно целует руки пошедшим дамам и, непритворно смущаясь, раздаёт автографы...

"Я никому не отказываю..." — говорит он мне, и я без колебаний верю..."

А дальше снова жизнь текла и, не уставая, крутила в водовороте событий. Интересных и не очень, памятных и так, проходящих... А еще сюжеты, слова и отдельные фразы... Они снова вернулись, бродят в голове, мешают уснуть и неутомимо просятся на бумагу.

Мне хватило полгода, чтобы решиться. Зная безотказность Олега Иосифовича, иду ва-банк: прошу почитать кое-что из моих рассказов и сказать СВОЕ слово.

Губарь не отказывает. Небольшой обмен сообщениями и приходит оно, судьбоносное ли?

"Вы могли бы подойти, скажем, на "Зеленую лампу", литстудию Голубовского, во Всемирный клуб одесситов?"

Поворот для меня неожидан. Губарь, по сути, отмахнулся. Но как удачно! Понимание пришло потом, думаю, это лучше, что Олег Иосифович смог тогда придумать.

15 февраля 2017 года. В "Лампе" знакомлюсь с Е.М. Голубовским. Это сейчас я понимаю (до конца ли?), насколько большой глубины человек ведет заседания студии. А тогда? Небольшая, всего в две строчки, запись осталась в моей тетради:

"Маленький и трогательный, как птичка. И на щеке густая сеточка тонких красных сосудов под молочной кожей".

Я исправно хожу на встречи и почти каждый раз поражаюсь, как люди горят желанием высказаться перед залом. Мне высказываться не хочется, я часто скукаю и думаю о своем. Хотя некоторые, безусловно, очень талантливы. Жаль, что в нашей стране литература, как, впрочем, и многое другое, на задворках...

Постепенно я втягиваюсь и даже один раз читаю... Чтец из меня никудышный, а я уж понимаю, насколько это важно...

Но больше всего мне нравятся творческие встречи с писателями. Их мало, но они замечательны.

29 июня 2017 года. В гостях Яков Шехтер с другом детства.

И снова впечатления сами просятся на бумагу:

"Два типичных, но очень породистых евреев. Когда смотришь на них, кажется, что именно про таких Исаак Бабель писал в рассказе "Карл-Янкель". Помните? Про неожиданную породу еврейских рубак, наездников и партизан.

Я сижу в последних рядах, и мне плохо слышно. Дикция не очень, и легкое заикание почти через фразу... Несмотря на это, уверенно и твердо ведет рассказ, легко и непринужденно навешивая на нить сюжета допол-

нительные детали, факты и подробности. Рассказывая, помогает себе всем телом. Руки и ноги играют и подыгрывают каждому слову...

Интересно, необычно, мудро и очень по-еврейски...

И глаза. Цепкий бархат южного неба, за которым прячутся все мудрость и ум еврейского народа".

2 августа 2017 года. Д.Л. Быков.

И снова строки:

"Он пришел с возлюбленной в кричащем оранжевом платье и долго не мог напиться. Потом, не дожидаясь приглашения и помощи, взял стул и просто сел где-то сбоку, почти за колонной. Не стеснясь, вытянул длинные ноги, совершенно свой, непосредственный и скромный такой мужчина. В конце, когда позвали, вышел, не ломаясь, слегка заигрывая со слушателями и абсолютно свободно чувствуя себя перед горсткой таких же, как он, но менее знаменитых литературных дарований. Двадцать, пятьдесят, пять тысяч, миллион — кажется, количество для него не имеет значения.

Немного поболтал и завладев публикой, выдал довольно метко схваченный образ Толстого в смешном стихотворении про п-зду. Потом, довольный и польщенный, читал лирику.

"Глухарь, — первой пришла в голову мысль. — Вот так же, когда поет — ничего не слышит... А поет он легко и раскрепощенно, запрокидывая голову и наслаждаясь чтением, с улыбкой отдаваясь словам, образам, мыслям..."

Я в "Лампе" уже полгода. Жизнь моя изменилась, и биологии в ней все меньше и меньше. Куда я иду, и что будет дальше? Не знаю... Многие говорят: главное — найти себя. Ну что же... Возможно, я на правильном пути...

Виктория Коритнянская

Вопиющий случай

Ангелы рассаживались за длинным изогнутым столом, и громовыми раскатами гремели в комнате стулья. Они слетались со всех сторон: маленькие, большие, молодые и старые... Комната была полна ими, и старый, сгорбленный, весь в каком-то неземном нежно-розовом сиянии ангел небрежным взмахом руки расширял ее по мере того, как она наполнялась. Но вот захлопнулась дверь за последним ангелом, и тут же, как всегда, неожиданно, материализовался на резном стуле Бог. Он окинул приветливым взглядом высокое собрание, и виновных ввела.

Два молодых и прекрасных ангела предстали перед взором собравшихся. Они были грязны, и из всколоченных бород у них торчали разноцветные листья. На прекрасном лице одного из них красовался большой синяк, бровь же другого бугрилась от запекшейся крови. Большие и разноцветные, как у бабочек, крылья ангелов во многих местах были прозрачны из-за опавших чешуек. Окруженные слабым оранжевым сиянием, стояли они, потупившись, и выражение злой упрямой непримиримости страшной демонической маской кривило их красивые лица. Бог кивнул, и старый, весь в каком-то неземном нежно-розовом сиянии ангел начал слушание вопиющего случая, произошедшего на прошлой неделе в Одессе.

Все началось в среду. Погоды стояли жаркие, и вода в море была непринично теплой. Чтобы оздоровить ребенка, Клава — дворничиха 87-го дома по проспекту Добровольского — повела своего семилетнего сына Борю в Лузановку. Там под неусыпным контролем матери Боря принимал солнечные ванны и даже три раза купался. Он много нырял и, как это часто бывает, нахлебался воды. Вместе с водой в рот мальчику попал энтеровирус. Борин ангел-хранитель хватился, когда уже было поздно: вирусы атаковали детский желудок. Тогда ангел составил план. Зная, что слабая Бороина печенька не выдержит жирной тяжести пирожков, продававшихся тут же неподалеку, он легко вызвал у мальчика зверское чувство голода. Боря ныл до тех пор, пока Клава не сдалась. Скрепя сердце, она купила ему пирожок с брынзой. Мальчик откусил первый кусочек, и ангел, довольно потирая руки, ожидал спасительной рвоты. Но тут случилось непредвиденное. Ангел-хранитель бездомной собачки Тюльки, бежавшей в это время мимо Бори, увидел в лице мальчика шанс накормить подопечную. Он тут же соорил Тюльке милую мордочку и наполнил ее взглядом таким трогательным очарованием, что Боря, вообще-то любивший кошек больше, чем собак, тайком от Клавы скормил ей весь пирожок. Борин ангел погрозила ангелу Тюльке кулаком. Заскрежетав в отчаяние зубами, он молча наблюдал, как вирусы рвались к кишечнику.

Дома ровно через час Боря дал температуру 39. Клава переполошилась, она сварила мальчику куриный бульон и насыпала ему целую чашку простокваши. Она натирала дитя уксусом, давала уголь, но жар не падал. Ангел, сидя в углу, стойчески наблюдал за ходом лечения. Когда Клава схватка с болезнью ослабла и та убежала к ворчащим на плите сковородкам, он решил действовать по-своему.

Главная роль в выздоровлении Бори отводилась кошке Люсе. Она должна была сесть мальчику на живот и ударами своих мягких лапок выгнать из Бори зловредный вирус. После недолгих уговоров кошка согласилась. Она важно проследовала в комнату, ловко вскочила на кровать и уже удобно устроилась на Бороином животе, как внезапный оглушительный крик вернувшейся Клавы в одно мгновение полностью разрушил доброе начинание:

— Куда, холера, взгромоздилась?! Дите болеет, а ты лезешь! Места тебе, что ли, мало? — последовавший за криком оскорбительный удар венником выбросил кошку из детской. Люся обиделась, залезла под диван и больше не отвечала.

Тогда ангел решил действовать по-другому. Он забросил таблетки за шкаф, и Клаве пришлось бежать в аптеку. По дороге в это время как раз шла местная врач-педиатр. Но Клава,

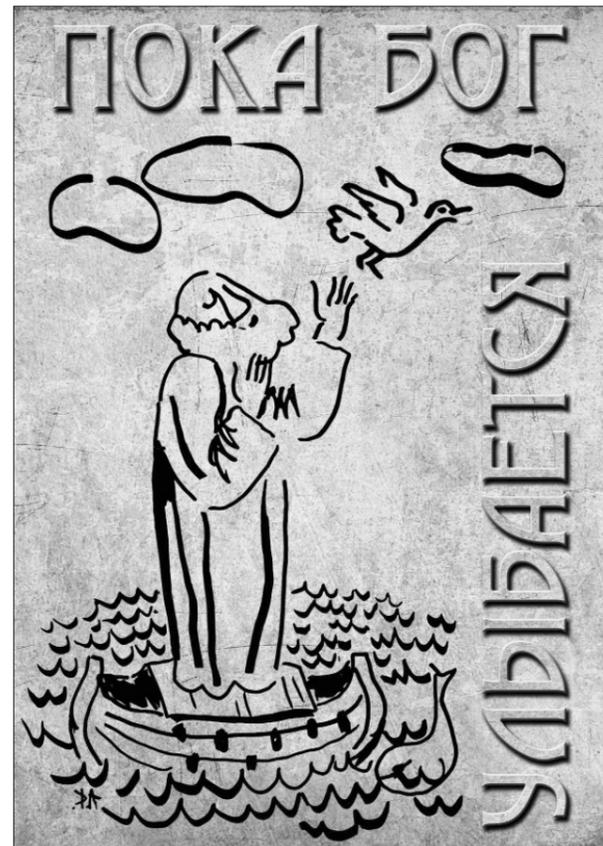
озабоченная Бороиной болезнью и относившаяся к отечественной медицине более чем прохладно, пробежала мимо, бросив на ходу лишь ни к чему не обязывающее "здрасьте". Узнав об этом, Борин ангел решил прибегнуть к крайнему средству. Пользуясь отсутствием Клавы и позвав на помощь ее ангел-хранителя, он сам начал лечение. Ангел завис в воздухе прямо над мальчиком и висел так до тех пор, пока ангел-хранитель Клавы не струсил с его крыльев на Бору достаточного количества животворящих чешуек. Те падали мальчику в глаза, он вдыхал их носом и хватал ртом. Ангел мальчика физически ощущал, как с каждой чешуйкой безвозвратно убывает его Божественная сила, но делать было нечего, он должен был любой ценой выполнить свое предназначение.

Крайнее средство подействовало. Когда Клава вернулась, Боря уже улыбался. Он пропотел два раза, был переодет в сухое и накормлен прямо в постели свежесваренным яйцом всмятку. Ангелы ликовали, они довольно терли ладони, и веселый беззвучный ангельский смех то и дело раздавался в комнате. Но тут Боре захотелось поиграть на компьютере. Тревожная Клава решила, что рано. Со словами: "Завтра поиграешь!" — она бесцеремонно затолкала сына обратно в постель. Боря обиделся. Он отвернулся к стене и решил умереть назло маме и бабушке, живущей в Крыжановке. Ангелы застыли с открытыми ртами. Жертва оказалась напрасной — никакая Божественная сила не могла побороть стремление человека к смерти. Остатки вирусов, прятавшиеся в удаленных петлях Бороиного кишечника, с радостным воем снова бросились в атаку. Боре стало нехорошо, у него поднялась температура и сильно закололо в боку.

Ангел был в отчаянье. Он был измучен, и силы его были на исходе. Безвольно опустив руки, смотрел он неподвижным взглядом на метавшегося в жару мальчика. И тут... В окне он увидел другого ангела. Тот парил в воздухе, выделявая танцевальные па, и на лице его сияла счастливая улыбка. Смешно надывая щеки, незнакомый ангел что-то пел под беспорядочные звуки пианино, гремящие из открытого окна квартиры сверху. Заметив ангела Бори, он приветственно махнул ему рукой, показал длинный язык и скривил смешливую рожу. Это оказалось последней каплей. Борин ангел с пронзительным воплем ринулся в окно. Так ангелы подрались.

Высокое собрание молчало. Тогда первым заговорил самый старший ангел над всеми ангелами Одессы. Он был очень стар, этот ангел, обосновавшийся на жаркой и бесплодной одесской земле с первыми греческими поселениями. Он был дряхл и сгорблен, этот небесный старик, видевший Хаджибей и крепость Ени-Дунья. Два с половиной века бережно и осторожно он вел Одессу по жизни. И вот теперь он, знавший, почему фунт лиха, пришел узнать, куда катится этот мир... Он говорил медленно, и каждое слово его гулко падало наземь. Он рассказал собранию, как сложно сейчас работать, как в бесконечной и бессмысленной спешке все превращаются в страшных эгоистов, не способных видеть и чувствовать чужое горе. Он говорил о том, что крики о помощи почти всегда остаются в этом мире без ответа и что черствость, равнодушие и леность прочно пустили корни в сердцах и душах. Потом, горько вздохнув, он сел.

За ним говорил ангел Донецка. Он начал издали. Не жалая красок, ангел перечислил все беды и несчастья, пережитые городом с начала войны. Затем он вернулся к делу. Ангел показал высокому собранию глаза испуганной девочки Кати, и в них ангелы увидели страшные картины бомбежек, и темный тесный шкаф, в котором она пряталась во время обстрелов, и кровь, текущую тонкой темной струйкой из-под Катиной бабушки... Затем ангел взмахнул рукой, и густая липкая паутина детского страха неподвижно повисла в воздухе, и наполненные ужасом детские крики и плач тут же зазвучали в тишине неба. Он описал, каких усилий стоило ангелу-хранителю Кати вывести ее из Донецка живой и невредимой, и дол-

Обложка книги рассказов "Пока Бог улыбается", выпущенной в августе 2017 г. Всемирным клубом одесситов. Меценат проекта и автор одного из рассказов — Евгений Деменок. Все 17 авторов рассказов — студийцы "Зеленой лампы". И среди них — Виктория Коритнянская с большим рассказом или маленькой повестью "У смерти за пазухой". Уверен, что это первый шаг в Литературу.

го говорил о долгожданном и радостном чуде, случившемся в тот роковой день, когда маленькая Катя наконец-то снова улыбнулась и села играть на пианино. Ангел Донецка просил понимания, затем, тяжело вздохнув, он сел.

Тишина и тревожное ожидание замерли в комнате. Бог едва заметно шевельнулся, и все ангелы робко заглянули в его бездонные глаза. В ту же минуту любовь заполнила комнату, она закружилась густым туманом, и сладостно-горькое чувство раскаяния и всепрощения наполнило до краев ангельские души. Большие блестящие слезы покатались из глаз провинившихся, и громкие, судорожные их всхлипы прервали, наконец, сладостную пытку. Бог радостно улыбнулся. Едва заметно кивнув, он тут же исчез.

Слушание вопиющего случая заканчивали уже без него. Ангелы были признаны незрелыми, они обвинялись в черствости, равнодушии, эгоизме и эмоциональной неустойчивости. В качестве наказания им было велено прожить бок о бок одну земную жизнь, в течение которой они должны были побороть взаимную неприязнь, простить и полюбить друг и друга. Для этого совет мудрейших поручил виновным незамедлительно познакомиться и подружиться Борю и Катю, потом поссорить их, а затем, пройдя с ними долгий и тернистый путь от ненависти к любви, устроить, наконец, их свадьбу.

Виновные слушали, понурились. Смущение и раскаяние читались на их лицах. Молча выслушав приговор, они вперемежку взглянули друг на друга, и осознание того, что с этого момента они неразлучно связаны крепкими нитями прощения, принятия и любви, наполнило их сердца смутной тревогой, страхом, неясной тоской и робкой надеждой...